

Рене Жирар.
Я вижу Сатану, падающего, как молния / Перевод с франц.
А. Лукьянова, О. Хмелевской. —
М.: Издательство ББИ, 2015. —
XVIII + 202 с.

АНДРЕЙ СТРОЦЕВ

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ «Я ВИЖУ САТАНУ, ПАДАЮЩЕГО, КАК МОЛНИЯ»

Читателям «Койнонии» уже знакомо имя антрополога Рене Жирара, создателя миметической теории, наиболее полно раскрытой в книге «Вещи, сокрытые от создания мира» (1978). В слове, посвященном памяти Жирара, филолог Сергей Зенкин называет эту книгу «катехизисом», поскольку она построена из вопросов и ответов и действительно напоминает разговор учителя с учениками. В ней Жирар подробно рассказывает двум французским психиатрам свои гипотезы человеческой психики, происхождения культуры и религии из коллективного убийства, смысла мифов, роли Библии в мировой истории. Автор впечатляет тем, что в эпоху, как он говорит, «скептической филосо-

фии», у него самого совсем нет иронии и недоверия по поводу собственных открытий. Причем до такой степени, что эту свою главную книгу он озаглавил словами Христа из Евангелия.

Через двадцать лет после этого уверенность Жирара не ослабела, и названием новой работы 1999 года он опять делает фразу Иисуса — «Я видел сатану, спадшего с неба, как молнию» (Лк. 10:18). Вся книга основана на анализе текста Евангелия, и в ней автор пытается довести до конца свою давнюю мысль о радикальном различии между Библией и мифологией. Как известно, для Жирара разница определяется отношением к учредительному убийству: «Мифические свидетельства говорят о виновности жертв коллективного насилия. Эти рассказы попросту лживы, иллюзорны и обманчивы. Библейские и евангельские свидетельства настаивают на невиновности тех же самых жертв. И они надежны, правдивы и точны» [7]. Однако столь же ложным, как и мнение, будто Евангелие — очередной миф, Жирар считает стремление некоторых богословов окончательно «демифо-

логизировать» Евангелие, выделить из него некое «чистое» христианство. В этой книге Жирар предпринимает попытку объяснить в свете своей теории несколько особо «мифологических» моментов Нового Завета, указать на их необходимость в общей картине Благой Вести. Все это образы, так или иначе связанные с природой зла.

Один из таких спорных моментов — образ сатаны или дьявола. Этого персонажа или игнорируют, или же понимают как некую злую силу, параллельную Богу, на которую можно в таком случае переложить ответственность за все зло, совершаемое людьми. Жирар предлагает понять сатану как чисто человеческое явление, дурное подражание людей друг другу, приводящее к бесконечным конфликтам. Сатана — это скандал, препятствие, неизбежно возникающее, когда для подражания избран ложный образец. В этом смысле Жирар интерпретирует момент, когда Христос говорит Петру: «Отойди от Меня, сатана! Ты мне соблазн!» (Мф. 16:23). Петр, испугавшись первого предупреждения о Страстях, предлагает Христу отказаться от подражания Богу и подражать ему, Петру, его желанию безопасности. Жирар предлагает представить, что если бы Христос согласился, то быстро стал бы миметическим соперником Петра — и «авантюра Божьего Царства скатилась бы на уровень ничтожных ссор» [41]. То, к чему такое соперничество в конечном итоге приводит — это коллективное насилие, устанавливающее ложный мир, превращая агрессию всех против всех в агрессию всех против одного. По мнению Жирара, когда Христос спрашивает: «Как может сатана изгонять сатану?» (Мк. 3:23), — Он не отрицает этой способности, но указывает на нее и осуждает. Именно такое частичное самоустранение позволяет злу все время возобновляться, оно же создает ложную трансцендентность, чувство божественности дьявольского механизма. Но осознание этого принципа «благого насилия» лишает его действительности. Крест, согласно Жирару, делает этот принцип очевидным и поэтому побеждает его. После Распятия сатана падает с неба как молния, правда о невинности жертв означает конец его всевластия.

Однако сатана падает с неба все же на землю, и это для Жирара связано с еще одной сложной темой — Апокалипсисом. Автор утверждает, что апокалиптические пророчества не имеют ничего общего с мезьей Бога людям или с божественным наказанием, которыми объясняются катастрофы в мифах и даже отчасти в Ветхом Завете. «Человек никогда не бывает жертвой Бога, Бог — всегда жертва человека» [201]. Природа предсказанной Христом катастрофы — человеческое насилие, которое больше не имеет насильственного «тормоза». Это последний жертвенный кризис, последнее обезличивание,

стирающее даже казавшуюся незыблемой разницу между природой и культурой, после Чернобыля это стало хорошо понятным. Сатанинский механизм дал сбой, и насилие больше не может объединять людей, спасти их само от себя. Мифологические культуры существовали тысячи лет, и число их жертв микроскопично по сравнению с миллионами жертв тоталитарных режимов, но эти режимы не прожили даже века. Жирар и оптимистичен и пессимистичен одновременно. Насилие лишается всех своих «конструктивных» свойств, его становится все больше. Выходом из кризиса больше не может стать жертвоприношение, но только любовь, то есть отказ от ложного подражания и «подражание божественному бескорыстию» [20] Иисуса и Его Отца, который «повелевает солнцу своему восходить над злыми и добрыми» (Мф. 5:45).

Третья тема, тесно связанная с двумя предыдущими, — это Антихрист, образ которого также часто понимается как некий последний «козел отпущения», мистический враг Бога, во всем виноватый. Для Жирара это снова совершенно посюстороннее явление, совокупная реакция человечества на Благоую Весть о Христе, которую оно не может проигнорировать, но не соглашается принять. Жирар говорит о «первом тоталитаризме», первом неоязычестве, о попытке повернуть историю вспять, отказаться от знания о принципиальной невинности жертв, возобновить мифический порядок. Эту тенденцию автор прослеживает у Ницше и Хайдеггера, ее наиболее яркое воплощение — европейский нацизм. Но особенно интересна мысль Жирара о «втором тоталитаризме», другом лице Антихриста, где анти- — это не «против», а «вместо». Автор пишет, что это «второе неоязычество» не отрицает невинность жертв, но, наоборот, глубоко озабочено жертвами. С одной стороны, это крайне позитивно, но сама забота о жертвах легко превращается в скандал, в абсурдный повод для миметического соперничества. Отсюда рождается новое насилие, которое совершается исключительно ради справедливости и спасения невинных. Этим предупреждением Жирар пытается защитить свою теорию от превращения в идеологический инструмент, удобный для обличения чужих жертв и самооправдания.

В заключении Жирар цитирует мысль Симоны Вейль, что Евангелие — это скорее антропология, чем теология. Автор в своей книге пытается рассмотреть традиционные богословские проблемы, такие как дьявол и апокалиптические предсказания, в чисто рациональном ключе. Жирар остается верен себе, несмотря на обвинения в том, что из ученого он превратился в проповедника, ему действительно удастся провести свое исследование «насколько это было возможно, без

постулирования реальности христианского Бога» [201]. Таким образом, он закрывает для себя легкий путь, идя по которому, можно в любой момент сослаться на сверхъестественные причины. Однако это позволяет ему разоблачить ложную сверхъестественность, иллюзорную «божественность» человеческого насилия. При этом Жирар не дает читателю забыть, благодаря чему или Кому возможно такое разоблачение, и в конце своей работы вводит тему пасхального утра и Параклета, Духа Святого. Как пишет богослов Вольфганг Палавер в предисловии к этой книге, «там, где Жирар вопрошает о той силе, которая сделала возможным это обращение, он обозначает границы своей антропологической апологии и говорит о благодатной встрече учеников с Воскресшим».